

## Поэтический язык Блока

### В. Назаров

Блок учился смело менять форму стиха, утратившего недавнюю мерность и уравновешенность. Новая поэзия означала в его глазах стремление передать ритмы современной жизни в ритмах, мелодике самого стиха. Поэт ввел новые размеры, отвечающие принципам «чистого тонизма», повышающие выразительность лирического образа. Так в его стихах выражалась готовность самые сложные переживания, о которых трудно рассказать ясно и внятно, передать языком намека, требующим от читателя особого рода восприимчивости и «настроенности».

Если в юношеской лирике Блока преобладали привычные аллегории («туманный факел», «корабль надежд»), представляющие обширный ряд однородных явлений, то теперь поэт обращается к символу, призванному перевести восприятия из мира конкретно-чувственных явлений в иной — непостижимый, таинственный, смутно угадываемый. Он пытался расширить рамки лирического повествования до тех пределов, за которыми мистику открывается просвет в «иные миры», видимые внутренним оком. Таковы символистские стихи, посвященные Прекрасной Даме.

Поэт ожидает

...волны попутной  
К лучезарной глубине.

Волны — это уже не аллегория, выражающая в зримом образе некие отвлеченные понятия, а нечто совершенно иное: «волна», уносящая поэта к «лучезарной глубине», способствует «растворению» всего «вещного», плотского, земного в ином, бесплотном, «идеальном».

Когда поэт говорит:

... эти горные пути  
Мешали слиться с неизвестным,  
Твоей лазурью процвести. —

то «горный путь» становится не столько деталью пейзажа, сколько обозначением всего житейского, что мешает ступить на обетованную землю. Каждый такой образ становится в лирике Блока особым «знаком» на пути к небесному, призванным напомнить читателю о «вечно женственном», о высшей красоте и справедливости.

Лирический рассказ Блока становится загадочным, в нем появляются пробелы, разрывы, смутные намеки, уяснение которых подобно решению задачи со многими неизвестными:

Днем за нашей стеной молчали, —  
Кто-то злой измерял свою совесть.  
И к вечеру мы услышали,  
Как раскрылась странная повесть.

Эта «повесть» действительно становится для читателя «странной». Кто такой «злой», о ком говорит поэт, и кто эти «мы», от чьего имени идет речь? Все в сюжете стихотворения смутно, загадочно, неопределенно. Видно, само стихотворение призвано вызвать не ясное и отчетливое представление о предмете повествования, а оставить нас во власти смутных и тревожных предчувствий, какой-то тайны. О таких событиях нельзя рассказать обычной, логически связной речью.

...И в шептаньи  
Чья-то ласка, как во сне,  
В чьем-то женственном дыханьи,  
Видно, вечно радость мне!

«Милый образ», возникающий пред нами, обретает характер «нежного сна», такого неуловимого, что разгадать его, рассказать о нем, намекнуть можно только крайне неопределенными речениями: «кто-то», «чей-то», «в чем-то»...

Стихи воспринимаются как «таинственный шепот», и его значение в том, что он порождает чувство тайны, взывает к тайне, в пределах которой и стремится остаться поэт. А потому даже и не пытается уяснить ее для себя и для нас.

Само слово Блока скорее намекает на предмет, чем точно обозначает его. Зачастую на язык такого намека и переводит поэт свои едва угадываемые переживания и впечатления:

Высоко с темнотой сливается стена,  
Там — светлое окно и светлое молчанье.  
Ни звука у дверей, и лестница темна,  
И бродит по углам знакомое дрожанье.

«Светлое молчанье», «знакомое дрожанье», которое «бродит по углам», — это и есть тот строй речи, которым поэт подчеркивает зыбкость предмета, словно бы растворяющегося в потоке переживаний и настроений.

Совершается какая-то непостижимая тайна, «что-то» происходит в мире, «кто-то» идет навстречу самому поэту. А он словно бы остерегается вспугнуть это «что-то» своим прикосновением, более ясно назвать и обозначить наполняющую его тайну. Вот почему его речь становится разорванной, невнятной, алогической. Часто такой прием призван подчеркнуть непостижимость и призрачность человеческого бытия:

А хмурое небо низко —  
Покрыло и самый храм.  
Я знаю: Ты здесь. Ты близко.  
Тебя здесь нет. Ты — там.

Поэт знает: «Ты — здесь», но он же знает и то, что «Тебя здесь нет». И оба этих знания, исключаящие друг друга, вместе с тем оказываются истинными.

Стихи требуют от читателя способности к «сопереживанию», к «сотворчеству». Читатель должен научиться угадывать намеки и «знаки» Блока, заполнять сюжетные и ритмические пробелы и провалы, возникающие по ходу лирического, сбивчивого, внутренне противоречивого, словно бы теряющего сюжетную нить рассказа.

Самый предмет лирического повествования в таких стихах далеко выходит за пределы умопостижимых понятий. Значение слов как бы «раздвигается», расширяется, утрачивает определенные грани. Слово не столько указывает на предмет или действие, сколько смутно намекает на него. Здесь глагол не обозначает тот или иной процесс, а уводит нас в область таких внутренних состояний, где все обретает иносказательный и неопределенный смысл. Слово приобретает значение тайны, которую и выразить нельзя обычным языком. Так глагол «цвести» Блок использует самым неожиданным и причудливым образом, сочетая совершенно различные области и категории восприятия:

Мыслью сонной цветя, ты блаженствуешь много,  
Ты лазурью сильна.

Она цвела за дальними горами,  
Она течет в ряду иных светил.

Ты вспомни ту нежность, тот ласковый сон,  
Которым я цвел и дышал.

Здесь глагол «цвести» и производные от него нарушают обычные связи и отношения с предметом, лишаются установившегося значения.

Эпитет в стихах поэта также перестает быть привычным, «затверженным», банальным. Блок делает его вызывающе дерзким, броским, порою даже алогичным. Наблюдая «шутовской маскарад», поэт говорит:

Там лицо укрывали  
В разноцветную ложь.

Эпитет «разноцветная» (ложь) словно бы взрывает обычное представление о предмете повествования; поэт неожиданным образом сталкивает прилагательное с обозначаемым им явлением, чтобы обнаружить родство различных областей восприятия, их некое тайное соответствие. Он переводит понятия духовного и морального порядка в другую плоскость — в сложную цветовую гамму. Ложь в стихах Блока оказывается не только «разноцветной» — у нее есть и иные цвета. Поэт обращается к своей возлюбленной с неожиданными признаниями, охваченный сложными, противоречивыми чувствами, в которых и ему самому становится трудно разобраться:

Как ты лжива и как ты бела!  
Мне же по сердцу белая ложь...

В глазах поэта возлюбленная является воплощением лжи, самой ложью. Вместе с тем она «бела». Так почему поэту по сердцу «белая ложь»? Может быть, потому, что она отныне воплощена в облике возлюбленной и неотъемлема от него?

Герой стихов Блока

Белой мечтой неподвижно прикован  
К берегу поздних времен.

«Белый намек», «белая мечта», «белая страна» и «разноцветная ложь» — эти «цветовые» символы не случайны в лирике Блока. Они являются признаком новой для него поэтики, в системе которой внутренне оправдано сочетание совершенно различных областей переживаний, восприятий. Явление духовного порядка оказывается возможным перевести на цветовую или звуковую гамму, что и определяет новый характер и особые свойства метафор, сравнений, описаний.

Поэт говорит о своей возлюбленной: «Она течет в ряду иных светил», — да и о самом себе он скажет: «Я пролью всю жизнь в последний крик». «Текучесть» всего мира, подобная «текучести» человеческого сознания, определяет и характер ранней лирики Блока, возникающих в ней образов и ассоциаций.

Под влиянием «новой» поэзии Блок, дотоле верный принципам классической поэзии, резко меняет и «расшатывает» самую структуру своего стиха, словно бы бросающего вызов принципам силлабо-тонического стихосложения. В его поэзии появляются «паузник», и вариация «анакрузы» (то есть слогов, предшествующих ударному в первой стопе каждого стиха), и нарушение грамматического строя речи, появляются необычные разносложные рифмы:

Они знают, что мне неведомо,  
Но поет теперь лишь одна...  
Я за нею — горящим следом —  
Всю ночь, всю ночь — у окна!

Такого рода формы стиха, ритмика которого подчинена не заранее определенному размеру, а интонации взволнованной и приподнятой разговорной речи, развиваются Блоком, становятся отличительным признаком его творчества.

Потемнели, поблекли залы,  
Почернела решетка окна.  
У дверей шептались вассалы:  
«Королева, королева больна».

Этот ломающийся размер, повторение слов («королева», «королева») призваны подчеркнуть и усилить тревогу, настороженность, нарастающее предчувствие каких-то трагических и знаменательных событий, от которых зависят судьбы многих и многих людей. Чтобы передать всю сложность и непосредственность таких переживаний, настроений, предчувствий, поэт создает особый рисунок размера, ритма — порывистого,

напряженного, затруднительного, словно бы подчиняющегося одной лишь интонации живой, взволнованной речи.

## Н. Оскольский

В стихах Блока особый синтаксический язык — схожие синтаксические конструкции, в которых сказуемые словно отгалкиваются от подлежащих, прерывая с ними связь. Глаголы-сказуемые как бы парят, подобно птицам, крылья которых опираются только лишь на потоки воздуха:

Он приклонил с вниманьем ухо,  
Он жадно внемлет, чутко ждет,  
И донеслось уже до слуха:  
Цветет, блаженствует, растет...

В стихах о Прекрасной Даме отчетливо выделяются точно очерченные образы и приметы окружающей действительности, уже не сводимые на язык отвлеченных аллегорий, символических «знаков»:

Там в сумерках белел дверной навес  
Под вывеской «Цветы», прикреплён болтом.  
Там гул шагов терялся и исчез  
На лестнице — при свете лампы желтом.

Желтый свет лампы, вывеска, лестница, болт, дверной навес — все это существует как реальные предметы. Тяготение к такому роду образности свидетельствует о том, что поэт, дотоле всецело погруженный в мир фантазий и видений, начал пристальнее вглядываться в окружающую его жизнь, задерживать внимание на тех ее подробностях, приметах, «реалиях», мимо которых раньше проходил, словно бы не замечая их.

Подлинные очертания зримого мира уже гораздо явственнее проступают в этих стихах сквозь «утренний туман», в котором еще так недавно они тонули и расплывались. Уже иные, гораздо более точные, твердой рукой очерченные пейзажи все чаще возникают здесь, наряду с сугубо символическими и отвлеченно-мечтательными:

Мы встречались с тобой на закате,  
Ты веслом рассекала залив.  
Я любил твоё белое платье,  
Утонченность мечты разлюбив.

Залив, весло, рябь, камыш, белое платье — бытовые и природные детали воссоздают реально зримую картину, которая не растворяется в символах и иносказаниях.

Вместе с утверждением реалистически весомых мотивов крепнет, усложняется, развивается и «техника» стиха; впервые здесь появляется знаменитый блоковский «трехдольник», который впоследствии прочно усвоили многие поэты:

Вхожу я в темные храмы,  
Совершаю бедный обряд...

Стихи Блока достигают высокой степени художественного совершенства, полного соответствия внутреннего состояния и настроения с характером их выражения. Принципы «чистого тонизма» торжествуют здесь свою победу.

Метафоры в стихах поэта блещут несравненной красотой, его метафорические неологизмы — смелостью и оригинальностью...

Н. Берберова вспоминает:

«Когда в 1910 году он задумал “Возмездие”, поэтический его гений вознесся до высшей точки. Он перерос царившие в его время поэтические школы. Он изменил символизму, но именно ценой этой измены освободил себя, занял место национального поэта, рядом с Пушкиным, Тютчевым, Лермонтовым».

В. Брюсов отмечает:

«В стихах Блока автор никогда не исчезает за своими образами; личность поэта всегда перед читателем... Блок с бесстрашной искренностью черпает содержание своих стихов из глубины своей души».

Господствующее положение в его поэзии занимает лирическое *Я* поэта, его авторский образ, так или иначе соответствующий его биографической личности... В «едином во множестве» образе автора сосредотачивается пафос, лирический жар, чувство совести, красоты, размах — все то, что завораживает нас в Блоке и что мы считаем в его творчестве главным.

Сила поэзии Блока — не только, а иногда и не столько в индивидуальной неповторимости каждого из его стихотворений, сколько в связи стихотворений, в их объединенном, слитном действии.

Эта исключительная целостность поэзии Блока, отличающая его от многих других поэтов, и давала ему и дает право видеть в ней «роман в стихах», в сущности единое развивающееся во времени произведение.